

ПРАВОСЛАВНАЯ КНИГА В ДОРОГУ

Александр
Петров

МИССИОНЕР

Это о тебе, о твоей жизни

Александр Петров

Миссионер

«Автор»

2012

Петров А.

Миссионер / А. Петров — «Автор», 2012

Главный герой повести «Миссионер» Андрей Ильин – наш современник, «парень из соседнего дома». Внешне немного суровый, но необычайно добрый человек. Его миссия – помогать людям. Приёмы, которыми он пользуется, доступны любому. Это так просто! Но и уникально, ибо он всё делает... с любовью, которая во все времена была насколько притягательна, настолько и дефицитна. Почему этому простому парню удаётся из любой ситуации выходить победителем? Почему тянутся к нему разные люди – от государственных мужей до бандитов и проституток? Почему люди от соприкосновения с ним становятся лучше, чище, радостней, наконец? Откуда в них появляется уверенность в будущем? И куда девается обычный страх? Просто наш «миссионер» Андрей сумел обрести непостижимую, чудную, живую любовь. И щедро делится этим бесценным даром с людьми.

© Петров А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Света	9
Юрий	11
Валера	13
Света	17
Ближе к церкви	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Петров

Миссионер

«Оставайся пока в миру, Андрюша, там твой путь.» Тихие слова старца звучали в его голове снова и снова. Это был приговор. Все равно, что в день освобождения получить продление срока. Но слово сказано, теперь необходимо ему подчиняться.

Бессонная ночь, проведенная на верхней полке под перестук колес, совсем не сказалась на его утреннем самочувствии. На московскую платформу Андрей Ильин ступил бодрым и спокойным. Он все для себя решил.

Встречные потоки пассажиров смешались, и на платформе образовалась обычная сутолока. Попутчиков Андрея толкали плечами и пинали сумками, но самого Андрея толпа обтекала, ни разу не тронув.

Чем это вызвано? То ли его мощным пружинистым торсом, то ли уверенной неспешной походкой, то ли пронизывающим взглядом серо-голубых глаз... Выющиеся спутанные светло-русые волосы его, трехдневная щетина и ироническая улыбка жесткого волевого рта вносили еще большую сумятицу в упражнения физиономистов, пытавшихся дать ему психологическую характеристику. Такой человек может быть очень опасным врагом, другом же... нет, скорее, такие друзей не ищут, такие орлы летают в одиночку. Хотя... и не нам с вами одним приходилось ошибаться, глядя на такие лица.

Дома он поставил чайник на плиту и прочел сообщения пейджера. Бригадир «гвардии» уже требовал его на объект. Он принял холодный душ, побрился и сел за стол выпить крепкого чая.

Постучала в дверь и вошла соседка Света, женщина неопределенного возраста и поведения. За пару минут она успела выложить, что прогнала мужа-пьяницу, уволилась с работы, осталась без денег и теперь намерена тосковать. Андрей сказал, что сейчас он уезжает на работу, и предложил ей зайти вечером для более обстоятельной беседы. На прощанье Света обнажила в улыбке редкие зубы и призналась, что рада его возвращению, на что она уже и не надеялась. «С чего это вдруг не надеялась?» – поднял он на нее глаза, но та уже упорхнула.

Пока электричка вяло тащилась до станции Кратово, Андрей задремал и снова вернулся в то переломное для себя время, когда все началось...

Бабуля, его любимая бабуленька, самый близкий ему человек, вдруг тяжело заболела. Когда он приехал к ней домой в старый арбатский дворик, она рассказала своему любимому внуку о тайне, которую хранила долгие годы.

Оказывается, Елизавета Андроновна, старая учительница, потомственная интеллигентка, тончайший человек с классическим образованием и энциклопедическими знаниями, почти всю жизнь скрывала, что она была верующая.

Андрей, пораженный, сгорбившись сидел у бабушкиной кровати и никак не мог понять, как же это все совместимо! С детства ему родители и учителя внушали, что религия – это удел людей темных и необразованных, это опиум для народа...

И вдруг оказалось, что эта женщина, знавшая буквально все, о чем ни спросишь, культурный и тонкий человек, втайне от всех постоянно ходила в церковь. Никогда она не говорила об этом никому, даже ему, своему любимцу, самому близкому человеку...

Бабушка долго говорила о Боге, о своей вине перед внуком и детьми. И все просила прощения. И умоляла привести священника – отца Владимира из храма Иерусалимского подворья, чтобы исповедаться и причаститься.

Андрей не посмел послушаться бабушку, разыскал это подворье, расспросил, как найти отца Владимира. На следующий день привел седенького старичка в средневековой одежде к

бабушке домой. Всю дорогу они молчали, Андрей не знал, о чем и как с ним говорить. Идти рядом с попом в его странном облачении было стыдно, на них озирались, за спинами шушукались...

Дома у бабушки отец Владимир долго выслушивал исповедь, читал молитвы и еще что-то делал непонятное. Но вот когда он ушел, бабушка будто засияла от счастья несмотря на свои тающие силы.

Она попросила достать из резного дубового комода старенький молитвослов, пометила несколько молитв, канонов, показала псалмы и просила Андрея их читать. Вот тогда он и понял, что такое молитва. Всю ночь он сидел у изголовья умирающей бабушки и читал вполголоса молитвослов. Сначала все это его раздражало, но потом тоска и раздражение исчезли и на их место в душу пришли покой и редко его посещавшее чувство своей правоты. Бабушка то впадала в забытие, то снова открывала глаза, но на ее даже сейчас красивом лице теплилась благодарная улыбка.

На следующий день с утра наехали родители и брат, заходили бабушкины подруги, соседки. Андрей уехал домой, где его заждались Лена.

Жена сначала набросилась на него с упреками, ее красивое лицо исказила злобная гримаса, но, услышав о тяжелой болезни бабушки, на время ревниво отступила.

Он при первом же удобном случае заперся в комнате, оборудованной под кабинет, снова достал молитвослов. И снова ощутил он, как молитвы очищают его от суетливой шелухи и настраивают на самое главное – подготовку к страшному, но неизбежному.

Вскоре бабушка умерла. Родное лицо ее в гробу поразило своей отстраненной просветленностью. На кладбище во время скромной церемонии похорон в просиневшем на время небе кружились белые голуби. Впервые в жизни во время похорон Андрей вместо обычной щемящей тоски чувствовал покой и тихую радость.

Следующим утром Андрей отправился в церковь к отцу Владимиру. Шла воскресная служба, и пришлось подождать. Он с трудом понимал происходившее, но служба ему, как ни странно, понравилась, и он снова испытал состояние душевного подъема. Отец Владимир после окончания службы сам подошел к Андрею и говорил с ним удивительно мягко. Андрей пришел посоветоваться со священником, как ему лучше себя вести после смерти бабушки и как за нее молиться.

Спустя несколько месяцев он потерял сначала жену, а потом и родителей. Они продолжали жить и здравствовать, но все отношения с Андреем прервали, объявив психом. После развода и размена ему досталась комната в коммуналке, свобода молиться и беспрепятственно посещать храм.

Следом за ним в храм пришли и все «гвардейцы», один за другим. Не сразу, конечно...

На объекте на Андрея набросился «менеджер» Пал Трепалыч:

– Где тебя носит? Сегодня приедет хозяин, вопросы, наверное, задавать будет.

– А ты на что? У тебя только и дел, что следить и докладывать.

– Да будто я чего понимаю в вашем строительстве. А твои «гвардейцы» даже головы от работы не поднимают.

«Гвардией» Андрей называл свою бригаду не зря. Как в гвардейских частях собираются отборные силы, так и в этой бригаде работали отобранные путем долгих испытаний инженеры и офицеры, вышедшие в отставку. Люди немногословные, работали они от зари до зари почти без перерывов. На качество и аккуратность обращали особое внимание. Андрей тоже некоторое время работал с ними на равных, но потом ушел на свое дело. Когда его неудачная попытка крупно заработать провалилась, едва не стоив ему жизни, бригада снова пригласила его, но уже в качестве прораба. Обязанности Андрея не тяготили его, потому что ни дефицита материалов,

ни трудностей с поиском новых объектов не было. Но бригаде нужен был такой человек, чтобы не отвлекаться от работы.

На первую встречу три месяца назад хозяин заявился в окружении массивных телохранителей, на трех черных джипах размером с самосвал. Подошел вразвалку к Андрею и гнусаво заявил:

– Значит так, мальчик, плачу вдвое от сметы, но если через два месяца дом не будет построен, ваши уши будут болтаться на вон той березе.

Андрей уже встречался с такими «деловыми» и знал, что говорить с ними надо так, чтобы с первого слова суметь заставить себя уважать, при этом держа на дистанции и контролируя каждую фразу, так как ловить на неосторожно оброненном слове – этому учат даже начинающих. Он почувствовал, что страх кольнул-таки его острой занозой, но весь собрался, самоотстранился, вспомнил слова апостола: «Если с нами Бог, то кто против нас?» Рука в кармане легла на теплые деревянные четки, и потекла Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного...»

– Значит так, – спокойно глядя хозяину в глаза, сказал Андрей, – наша бригада отвечает за качество работ. По технологии положено строить такой дом четыре месяца, вот за это время мы его и построим. Даже при всем уважении к вам бетон не наберет необходимую прочность раньше проектного времени. А что касается наших ушей, то мы уже и пуганные и стреляные, и правила игры знаем, так что если наши условия вам не нравятся, поищите других.

– Ну что за молодежь пошла! Никакого почтения ни к сединам, ни к моим двадцати четырем годам зоны. Ладно, Андрей, я про вас уже все знаю, поэтому работайте спокойно. Как и сказал, плачу две сметы. Для связи со мной поставлю вам своего друга Пал Палыча. Будет здесь у вас...гм... менеджером.

С тех пор хозяин приезжал только пару раз, буквально на минуту, удовлетворенно хмыкал, спрашивал что нужно, давал денег и уезжал.

Отношения их перешли в русло взаимного уважения и невмешательства. Но Андрей все же держался с заказчиком подчеркнуто вежливо, холодно и даже сурово.

На этот раз визит оказался необычным. Громадное тело хозяина никто не охранял, он никуда не спешил. Выглядел усталым и больным. Перекинулся несколькими словами с Пал Трепалычем и отошел в сторонку Андрея.

– Что, «наехали», Владимир Иванович? – скорей констатировал, чем спросил Андрей.

– Я еще в первый раз заметил, что у тебя глаз, как у следователя, – будто насквозь видит. Да, Андрюха, крепко обложили.

– За кордон махнете, или воевать будете?

– Нельзя мне за кордон.

– Кровь будете проливать?

– Не хочу я этого, – хозяин опустил на глаза набрякшие веки. – Они сами напрашиваются. Думал, на старости лет отмолю грехи, поживу в мире и покое. Деньги честно стал зарабатывать. Меня партнеры, даже английские, уважают за честный бизнес и надежность. Я ведь почему вашу «гвардию» выбрал? Мне сказали, что вы по вере живете. Так, может, что посоветуешь? Не идти же к попу? Он же меня не поймет.

– Это вы напрасно, Владимир Иванович. Вряд ли вы своими вопросами священника испугаете. К ним приходят и с более серьезным.

– А что может быть серьезней крови?

– Причина, которая до крови доводит. В данном случае, я думаю, сребролюбие?

– Дело не столько в деньгах. Ненавидят нас эти зверьки, Андрюха, и наши законы презирают. Может быть, законы у нас – и не римское право, конечно, но все же беспредел как-то сдерживают. Даже милиция их уважает.

– Значит, вы считаете, что правда на вашей стороне?

– Да. Иначе бы я к тебе не обратился. Какие тут шутки? Себе дороже.

– Тогда и я сейчас серьезно говорить буду. И сделать вам желательно все так, как я скажу. Вы готовы?

– Говори. Сделаю, как скажешь, – хозяин устало кивнул коротко стриженной сединой и вздохнул.

– Во-первых, приготовьтесь расстаться со всем, что у вас есть. С жизнью тоже. Если за правду... Побеждают только в таком состоянии. Во-вторых, полностью положитесь на волю Божью, а о своей забудьте. Затем надо, чтобы все ваши родственники и друзья пошли в храмы и поставили свечи за ваше здравие к иконам Иисуса Христа, Божьей Матери, Николая Чудотворца. Пусть закажут молебны Пресвятой Богородице и сорокоусты. Вам самому необходимо прийти в храм, принести жертву, исповедаться. Лучше для этого выбрать храм небогатый, даже бедный. Мы с ребятами тоже будем за вас молиться.

– Ты считаешь, что этого достаточно?

– Если все это будет сделано искренне, то – вполне.

– Ты сказал: принести жертву. Какую? Деньги, что ли?

– Деньги – всегда соблазн. Лучше закупите храму то, что им нужно из стройматериалов, инвентаря. Словом, что скажет батюшка. Денег немного тоже можно дать, батюшки ведь живут очень бедно, а семьи у них обычно многодетные.

– Хорошо, сделаю, как говоришь. Вижу, знаешь дело. Если ко мне вопросов нет, поеду. Смотрю, дела идут у вас хорошо.

– Нормально.

Когда хозяин уехал, Пал Трепалыч заискивающе обратился к Андрею:

– Ну, что, не ругался?

– Да нет, спрашивал: нужен ты мне или уже надоел?

– И что ты ответил? – склонил тот свою загоревшую лысину еще ниже.

– Сказал, что пока не пристаешь, терпеть можно.

Андрей подошел к бригаде. «Гвардейцы» продолжали монтаж стеновых панелей, только темп временно снизили.

– Молитесь, братья, за здравие раба Божия Владимира. Плохо ему...

Света

Вечером Андрей прошелся по магазинам, заполнил пустое нутро холодильника свертками и банками с разноцветными этикетками. На кухне поставил на огонь сковороду, высыпал туда из пакета резаную картошку и брикет рыбного филе, посолил и полил майонезом. Пока он производил эту процедуру, за ним саркастически наблюдала Света, зная, что учить его кулинарии бесполезно. Он умел готовить вкусно и даже изысканно, но только если приходили гости или случался праздник. В повседневной жизни Андрей тратил на еду минимум времени. Вот и сейчас, включил малый огонь и, присев на табуретку, открыл книгу.

– Так, мы с тобой поговорим? – робко подала голос из своего угла Света.

– За ужином, ладно? Если хочешь, можем столы объединить. Ты что там жаришь? – поводит он носом.

– Баклажаны с овощами. Знакомые с Украины привезли.

– Пойдет.

Через полчаса они сидели тут же на кухне за столом и не спеша ужинали.

– Так пошто суженого выгнала?

– Да ну его, пьет беспробудно, а денег не носит. Грубит, опять же.

Муж Светы Сергей, или как его все называли Серега, в трезвом виде представлял собой тихого, даже немного забитого мужичка, даром что стать и усы имел гусарские. Он безропотно выполнял энергичные команды своей жены по хозяйству, редко шумел. Работал весовщиком на складе металла. Умел так наладить весы и договориться с клиентом, чтобы иметь небольшой навар, но в валюте. Правда, заработки его не отличались стабильностью: то пусто, то густо. После работы или сидел у телевизора, или собирал модели спортивных машин, которых по полкам в их комнате расставлено было в богатом ассортименте и количестве.

Это – когда трезвым... Но стоило этому тихоне выпить каплю спиртного, в нем просыпался зверь дикий. Он скандалил, рычал, грохотал падающей мебелью, Свету свою гонял, а иногда и побивал до синяков. Длилось это безумие дня три-четыре, потом он «ломался», в тоске ложился на диван и начинал себя укорять за буйство, заунывно выпрашивая у Светы прощения. В эти минуты он безропотно выслушивал от нее все подробности своих буйных приключений, которые выпали из его памяти, а также все соображения жены по поводу некоторых недостатков его личности.

Пытался Андрей как-то вступить за притесняемую разнузданным мужем соседку, но получал двойной отпор: и от него («Не мешай жену воспитывать») и от нее («Не лезь не в свои дела»). После неудачной попытки их примирения он обил свою дверь толстым войлоком, и только когда их дебаты перемещались на кухню, он молча выходил туда и, скрестив руки, своим присутствием сдерживал ярость сторон.

– Значит, решила на Сереге сэкономить? Ну, и как, прибыло в бюджете?

– Не-а, зато расходов поменьше. Да и с работы уволилась. Надоела торговля.

– А что будешь делать?

– Хочу с детьми работать. Я ведь в молодости педагогический закончила.

Андрей оторвал глаза от поедаемого куса рыбы и удивленно воззрился на собеседницу. Света всегда улыбалась (если не плакала): в радости и в горе, в волнении и в покое. Иногда Андрею казалось, что она глубоко психически больна, но порой она поражала его своей практичностью и стремлением к доброте.

Когда Света впервые пришла к Андрею, она то плакала, то смеялась, то шутила, то растерянно и умоляюще смотрела на него своими темными, широко расставленными, поэтому несколько шальными глазами. Он тогда предложил вместе сходить в храм и там испове-

даться. Она сказала, что раньше ходила в католический храм, но там ей было как-то холодно, поэтому посещения свои она прервала.

Им тогда очень повезло: исповедь принимал сам отец Владимир, сильно постаревший, почти глухой, но весь – доброта и праведность. Света почти постоянно вытирала глаза, а когда подошла к священнику, то вдруг разрыдалась и обхватила его колени руками. Отец Владимир погладил ее по голове прохладной сухонькой ладошкой и та, как ребенок, доверчиво подняла зареванные глаза и стала говорить.

– Он святой! – шептала Света, отойдя от священника. – Я именно таким представляю себе Господа Бога, вот таким добрым и мудрым старичком с белой бородой. Спасибо тебе, Андрюша, ты мне так помог, так помог!

После окончания литургии они вышли из храма, немного прогулялись по арбатским уютным переулкам, потом голод загнал их в кафе под бордовым навесом, где подавали приличный кофе со свежими пирожными. Там они просидели пару часов. Деньги у Андрея уже кончились, официант несколько раз подходил к ним, нетерпеливо требуя нового заказа, но они все сидели и говорили. Вернее, говорила в основном Света.

...И вот теперь она ему выдает новую задачу. Андрей никак не мог представить ее с детьми – она казалась слишком занятой своими проблемами. Слишком неустроенной и безалаберной. Впрочем, никогда ничего нельзя сказать точно и определенно о женщине, а особенно такой, как Света.

– А раньше тебе приходилось работать с детьми?

– Нет, но они меня всегда любили. Я умею находить с детьми общий язык и еще умею быть им другом.

– Ты сейчас в храм ходишь?

– Никак не получается, все какая-то суеда-маета. Слушай! А может, все мои несчастья последнего времени поэтому? – наконец-то осенила ее ценная мысль. Она даже рот открыла и вытаращила глазищи.

– Думаю, да. Наши несчастья – это напоминания нам о том, что «ничего без Меня не можете», чтобы на себя слишком не надеялись.

– Так что ты мне посоветуешь?

– Что и всегда... Сходи на исповедь, очисти душу, потом помолись и попроси помощи в поиске работы.

– Да, я стыжусь обращаться к Богу с такими просьбами. Мне кажется, у Него и без этих мелочей дел много.

– А ты дерзни! В конце концов, тело есть храм души, и оно нуждается в питании и одежде. И еще сказано: «Не имеете, потому что не просите!» Так что проси – и воздастся. И твердо верь в это.

Юрий

С тех пор, как генерал Егоров пригласил его участвовать в своей предвыборной кампании, дел у Юрия Ильина заметно прибавилось. Ему поручили курировать несколько крупных регионов. Там надо было найти верных людей, организовать предвыборные штабы и координацию их деятельности.

Генерал получил серьезную поддержку политических единомышленников и деловых кругов. Ему обещали крупные деньги и хорошие шансы на выборах. Дела своей фирмы Юрий передал заместителю. Почти все свободные деньги вывел из оборота и направил на оргработу в штабе. Словом, он, как говорится, поставил все деньги на одну лошадку.

Генерал Егоров считался патриотом, человеком бесстрашным и честным. Развал империи он воспринимал как личное горе и решил посвятить жизнь борьбе с «мировой закулисой».

Разумеется, врагов у генерала после обнародования предвыборной программы появилось великое множество, ведь одним из первых пунктов ее значилась борьба с коррупцией и криминализацией общества.

Юрий часто бывал у генерала дома. Его удивляла непоказная аскетичность этого человека. В своей однокомнатной квартирке он работал за письменным столом из древесно-стружечной плиты. Питался кое-как, выпивая в день десяток кружек крепкого чая с любимыми ванильными сухарями. Конечно, для него уже строили громадный особняк за кольцевой автодорогой, приличествующий политику такого ранга, но ему лично это было совершенно неинтересно. Распоряжался его финансами однополчанин, имевший к этому призвание и соответствующий опыт. Генерал лишь иногда вникал в дела финансовые, но быстро к этому охладевал и снова возвращался к своей активной политической работе.

Главной его заботой стала консолидация единомышленников среди военных, силовых структур и предпринимателей-патриотов. Когда его люди в компетентных органах докладывали ему о сборе на него компромата, генерал лишь усмехался и бросал фразу вроде: пусть роют, за мной все чисто.

Знал о незапятнанной репутации Егорова и его знакомый генерал ФСК Тюрин. Его люди исследовали каждый шаг Егорова с самого детства, но почти безрезультатно. Тюрина вызывали на самый верх и строго приказали «найти для Егорова бомбу» и держать наготове. Ему прямо сказали, что «допустить этого армейского слона в посудную лавку большого политического бомонда никак нельзя». Тюрин приказал досконально изучить ближайшее окружение генерала и там искать компромат.

Генерал Егоров к своим основным помощникам приставил охрану из верных, проверенных в боях ребят. Все они прошли обучение в спецшколах под руководством опытных разведчиков. Вскоре Юрию доложили, что за его «Ауди» постоянно следует хвост, судя по почерку, из наружки ФСК. Генерал Егоров успокоил Юрия и его охранников, что от этих ребят им ждать неприятностей не следует, мол, за нами правда, потому не дергайтесь.

Генерал Тюрин просмотрел бумаги аналитического отдела по генералу Егорову и сделал выбор. Если нет подхода к самому Егорову, надо атаковать его друга Ильина. После такого предупреждения Егоров надолго выйдет из строя. Куратор долго буравил Тюрина тяжелыми черными глазами, по-кошачьи мягко прошелся по громадному кабинету, что-то пробурчал под нос не по-русски и дал добро. В этот же день генерал Тюрин вызвал к себе Валерия.

Однажды вечером, возвращаясь домой после напряженного рабочего дня, Юрий устало выходил из машины и его взгляд скользнул по окнам дома напротив. В одном из окон будто бы блеснули круглые стекла полевого бинокля. Впрочем, может быть, это ему показалось...

Дома после ужина он сел за бумаги, но память снова выбросила на поверхность сознания этот короткий выблеск. Сердце сжало холодной скользкой рукой, и он впервые за долгие годы ощутил ненавистное с детства чувство животного страха. «Обложили меня, обложили...» – пронеслось в голове из песни Высоцкого.

Он вызвал охранника и со стыдом поделился с ним своим наблюдением. Тот отнесся к словам Юрия совсем без юмора и исчез озабоченным.

Неожиданно для себя Юрий потянулся к телефону и набрал номер пейджера брата, наговорил текст с просьбой позвонить ему, как только тот сможет.

С некоторых пор он с трудом понимал своего младшенького. Тот «ударился в религию», ни дела старшего брата, ни обычные для его круга развлечения не интересовали Андрея. Они, конечно, продолжали дежурное общение, но между ними пролегла какая-то пропасть. Юрию все время казалось, что младшенький потихоньку сходит с ума.

Юрий несколько раз даже, видя неважное финансовое состояние брата, предлагал поработать в своей фирме, но тот как-то странно грустно смотрел на него и отказывался: деньги Андрея не интересовали. Тогда он приглашал вместе провести выходные на даче. Андрей приезжал, буквально на руках носил свою племянницу, подолгу разговаривал с женой, но в беседах с родным братом замыкался и больше молчал.

Случилось это все после их разговора, во время которого Андрей признался, что верует в Бога. Он начал было увлеченно рассказывать о своих открытиях «якобы истины», на что получил от Юрия в ответ хлесткое определение «мракобес». С тех пор между ними и пролегла тень.

И вот ни с того ни с сего Юрия потянуло пообщаться с братом. Через несколько минут раздался звонок телефона, и он услышал родной голос.

– У тебя что-нибудь случилось? – первое, что сказал Андрей.

– С чего ты взял? Думаешь, я способен звонить только с большой нужды? – огрызнулся Юрий.

– Ну, мы с тобой все же братья, и я еще способен чувствовать твою боль. Говори, что случилось.

– Да, в общем, ничего серьезного... Так, некоторые подозрения.

– А конкретней?

– Слежка за мной. Похоже, ка-гэ-бэ. И еще... ты, наверное, будешь смеяться, но вот показалось, что блеснуло из дома напротив стеклами бинокля. Вроде пустяк, но что-то на душе стало паршивенько.

– Когда это все вместе, брат, то на пустяк совсем не похоже. Ладно, я кое-что придумал.

– Эй! Что ты еще придумал? Своих «гвардейцев», что ли, подключить? Так это ни к чему. У меня профессиональная охрана – твоей не чета.

– Нет, это будут не мои ребята. Это будет нечто более могущественное, чем человек.

– А-а-а! – протянул Юрий. – Опять ты со своей мистикой. Все-таки ты ненормальный...

Юрий швырнул трубку, долго ругался, но – странно – разговор с братом успокоил его и вселил необъяснимо крепкую уверенность.

Валера

Дома он стал под горячий душ и смыл-таки со своего лица маску подобострастия. Растираясь жестким полотенцем докрасна, он взглянул в зеркало и с удовлетворением констатировал, что его обычная жесткость снова проступила во взгляде серо-стальных глаз. Налил себе стакан коньяку и жадно выпил, в голове просвистел ураган, и установилось холодное спокойствие. «Сейчас я возьму трубку и наберу указанный номер».

Совсем недавно Валера состоял в организации, сила которой не вызывала ни у кого сомнений. Сначала его обкатали на границе, где ему пришлось «креститься кровью», потом он доказывал терпение и настойчивость в кабинетной работе. Здесь его приучили добывать нужные показания от подозреваемых любыми способами, которых в арсенале его старших коллег оказалось немало.

До сих пор каждый день Валера вспоминает, как они с ребятами после уничтожения очередного врага советской власти в обеденный перерыв шли по оживленной улице в ресторан и прохожие уважительно – кто кланялся им, кто обходил стороной.

В ресторане их встречали с поклоном и уводили в персональный кабинет, где потчевали самым изысканным, и денег, разумеется, не брали. А стоило только завести разговор о грядущей командировке, в пиджачный карман тут же опускалась толстая пачка денег, выпавшая из проворных рук официанта. Потом, когда персонал их конторы стали сокращать, почему-то первым вычистили его отдел. Ему обещали в скором времени вызвать для дальнейшего устройства, но молчание затянулось надолго.

Изредка, обычно в ресторане, он встречался с бывшими сослуживцами. Некоторые из них уходили в частные охранные фирмы, и там им сразу доходчиво объясняли законы бизнеса: «Или они нас, или мы их», причем жизнь человека в игре, где счет идет на миллионы долларов, ничего не стоит. Один такой, когда понял, что его сделали бандитом, пытался выйти из игры, но ему даже не позволили дойти живым до дома.

За столом этим бывшие сослуживцы обычно или много ели, или много пили. Кто много ел, тому похвастать было нечем. Те, которые много пили, первых называли неудачниками, относились по-трезвому снисходительно. Когда же выпивали какую-то критическую дозу, принимались оправдываться перед едоками, совали им в карманы зеленые сотенные купюры и ругали «жизнь проклятую». Валера умудрялся успешно делать оба застольных дела: он и ел много, и пил до упора. Обнимался со всеми, хотя больше его тянуло к людям в дорогих костюмах.

Накопления его вскоре кончились, и Валера через друзей нашел себе место на автостоянке. Хоть оклад ему положили небольшой, но в первую же ночь он за предоставление мест сторонним автовладельцам неплохо заработал. Половину, как водится, отдал хозяину, но и то, что осталось, его порадовало. Скоро он опять приоделся, стал даже иногда обедать в ресторанах... Только вот это подобострастие липло к лицу, как паутина и смывалось горячей водой и коньяком только на время.

Он потерял самое главное для себя – ощущение причастности к могучей организации, перед которой трепещут все, кто сам в ней не состоит. Его перестали бояться и уважать. Да что там! Иногда он сам чувствовал в груди холодок страха, заползавший туда при виде въезжающих в ворота стоянки сверкающих мощных иномарок с коротковолосыми мужчинами, обвешанными золотыми цепями.

Но вот вчера на стоянку позвонил сослуживец его отца, уже в чине генерала, и потребовал готовиться к возобновлению работы в органах. Валера одновременно обрадовался и испугался: за пять лет жизни вне конторы он растерял былую жесткость и сноровку, зато живот округлился, и мышцы одрябли.

И вот сейчас надо звонить генералу. Он поднял трубку, повторил по памяти продиктованный номер телефона – и вдруг ощутил в груди страх и тоску. Трубку положил, налил еще стакан коньяку, выпил, походил по комнате, сел в кресло, вдохнул, резко выдохнул и решительно застучал по клавишам телефонного аппарата.

Секретарь соединил его с генералом, и тот сразу приказал срочно выезжать на конспиративную квартиру, адрес которой продиктовал. Валера по новой своей привычке записал его в блокнот, похолодел от обнаруженной ошибки и выдрал сначала листок, на котором писал, а потом и еще несколько листков, на которых мог остаться отпечаток букв и цифр адреса. Затем он засуетился, подыскивая соответствующие случаю костюм и галстук, и со страхом вспомнил о выпитых двух стаканах коньяку. Нет, он не чувствовал опьянения, но запах! На кухне отыскал лавровый лист и пожевал, потом еще на всякий случай почистил зубы.

На такси, как раньше, пропустив первое остановившееся и сев во второе, он доехал до соседней с искомой улицы. Пешком прошел до улицы, указанной в адресе. Несколько раз проверился на поворотах и только после этих лисьих маневров он вошел в подъезд обычной девятиэтажки. Поднялся на седьмой этаж и позвонил в нужную дверь. Открыл ему незнакомец бандитской наружности и провел в комнату, где в глубоком кресле развалился генерал Тюрин, в свободных светлых брюках и пестрой рубашке навыпуск. В его коротких волосатых пальцах тлела толстая гаванская сигара. Ни разу еще Валере не доводилось видеть отцовского друга в таком облачении, даже во время застолий в доме отца. Генерал улыбнулся, сверкнув ровной шеренгой зубов, указал на кресло напротив:

– Садись, Валерий Степанович. Пей кофе. Коньяку пока не предлагаю, да и на сегодня тебе хватит. И не думай, что мятная зубная паста и лаврушка меня введут в заблуждение. Я не спрашиваю о твоей судьбинушке, мне уже все, что нужно, доложили. Конечно, некоторые навыки ты подрастерял, но это все мы восстановим. Главное, что наша закваска в тебе осталась. Скучаешь по службе?

– Еще как!

– Знаю, знаю... Это у тебя потомственное. Это у нас всех – в генотипе, никакой перестройкой-пересменкой не вытравить. Ладно, не тревожься, теперь ты снова будешь с нами. Только имей ввиду, изменились не только обстановка в стране, но и методы нашей работы. Ты будешь вне штата. Работай пока, где работаешь. А теперь слушай внимательно...

То, что дальше рассказал ему генерал, Валеру несколько расстроило. Работа по схеме «в случае провала мы тебя не знаем» была ему, конечно, знакома, но как-то все больше теоретически. Правда, были два «но»: во-первых, ему не предлагали выбора, как говорится, вход рубль, а выход два; а во-вторых, за первую операцию ему положили такой гонорар, что в прошлой жизни таких денег ему не заработать до пенсии.

Сперва его направили на стрельбище, где ему надлежало вспомнить и подновить стрелковую подготовку. Потом после кратких подрывных курсов ему поставили задачу, оснастили техникой и оружием, дали денег на текущие расходы. Объектом его попечительства стал Юрий Ильин.

Неделю Валера следил за своим объектом из квартиры дома напротив. Изучил его расписание и систему личной охраны. Обнаружил некоторые бреши, но понял, что просто так к объекту не подобраться. Его телохранители постоянно мелькали перед охраняемым телом, и надеяться на время, необходимое для тщательного прицеливания, не приходилось. Время, отведенное для подготовки операции, подходило к концу, а четкого плана не вырисовывалось. Тогда он решил сменить тактику.

Андрей посетил храм, где заказал молебны о здравии брата, вернулся домой и закрыл на ключ дверь своей комнаты. Зажег лампадку перед иконами, встал на колени, открыл молитвослов и стал читать молитвенное правило...

Рано утром в подъезд дома, в котором жил Юрий, вошел сторбленный бомж с рваной матерчатой сумкой в грязных руках. В ней позвякивали несколько пустых бутылок. Бомж пошарил потухшими глазами по площадке первого этажа, вздохнул, побурчал и вышел восвояси.

Андрей положил сороковой земной поклон, отсчитав по четкам, и продолжил молитву: «...Сопутствуй и утешай нас во время скорбей наших, даруя нам память о гресех наших, помогай в напастех и треволнениях мира сего, и во всех бедах в сей юдоли плачевней нас постигающих...»

В пустом общественном туалете бомж зашел в кабинку и заперся изнутри. Через пару минут дверца кабинки распахнулась и выпустила наружу Валеру, одетого в легкие брюки и футболку. Пластиковую взрывчатку он установил, кажется, без лишнего шума и достаточно надежно. Теперь осталось дожидаться момента, когда объект будет заходить в подъезд, и нажать кнопку радиоуправляемого взрывателя.

«...Ты, победив полки супостатов, – читал Андрей следующую молитву, – от пределов Российских отгнал еси: и на нас ополчающихся всех видимых и невидимых врагов низложи...»

Валера сидел у окна и ждал приезда объекта с работы. Осталось всего-то ничего: в нужную секунду нажать кнопку и быстро удалиться из квартиры. Он заранее уничтожил все следы своего здесь пребывания. Только нажать – и уйти. Но, что же это такой необъяснимый страх снова закрался в грудь? Почему накатила такая смертная тоска? Что это с ним? До предполагаемого времени приезда объекта остались больше получаса.

«...Разруши силы возстающих враг, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится, и да уведят, яко мы имамы Божественную помощь; и всем в скорби и обстоянии сущим многомощное яви Твое заступление...»

Валера, чувствуя себя последним идиотом, вышел из квартиры и направился к ближайшему ларьку. Под грохот собственного сердца он купил бутылку коньяку и вернулся назад. «Что я делаю! Кретин!» – шумело в голове, но руки сами вскрыли бутылку, и рот сам по себе сделал несколько жадных глотков обжигающей жидкости. Нутро растеплелось, тоска вроде унялась. Прошли переживаемые полчаса. Затем еще час и еще – объект не появлялся. Валера – глоток за глотком – опорожнил всю бутылку, сбегал за второй. Продавец ему подмигнул, как знакомому, но Валеру это нимало не смутило. Он успокоил себя, что если не выйдет сегодня, то он взорвет этого Ильина завтра, ну или послезавтра, неважно! И пошли они все!.. Подумаешь, начальство! Да если что – эти шакалы в кусты, а ему на плаху. А, может, удрать подальше? Денег ему дали немало, лет на пять тихой жизни где-нибудь в Урюпинске хватит. А там и всех его нынешних начальников прибьют, или еще что случится.

«...Тем же, ко твоему покрову и заступлению прибегающе, смиренно молим тя: якоже сам от бури сумнительных помышлений избавлен был еси, сице избави и нас, волнами смущений и страстей обуреваемых...»

Что это за тоска снова навалилась! Валера опорожнил еще полбутылки, но на душе скребли кошки. И этот обьедок, то бишь объект, не едет, гад. Все сволочи! Все гады! Все против него.

Наступила поздняя ночь, когда у входной двери позвонили. «Какую там еще тварь несет! Все сволочи!» – завывало в обожженной спиртом груди. Валера спросонья, с тяжелой пульсирующей головой доплелся до двери, ругнулся и рванул ее на себя. В квартиру бесшумно, мягко роняя Валеру на пол, ввалились несколько человек. Спустя полчаса его отрезвили и довольно умело разговорили. Итак, уже не Валера в майорских погонах, а его беспогонные враги допрашивали самого Валеру. И он знал, что препираться бесполезно. Нет таких допрашиваемых, которых нельзя «расколоть», не родилось еще. Он это знал наверняка.

Света

Вечером Андрей снова готовил свой ужин на скорую руку и во время технологических перерывов читал книгу. Дверь кухни распахнулась, и со свертками в руках шумно вошла Света.

– Вот! – весело вывалила он на стол поклажу. – Сегодня получила аванс.

– Откуда это такое богатство? – спросил Андрей, оторвавшись от книги.

– Так ты мне сам советовал попросить у Пресвятой Богородицы работу. Так я вчера весь вечер на коленях простояла. Потом приложила к иконке Богородицы и заснула. А сегодня звонок по телефону. Я уж и думать о ней забыла... Короче, звонит мне одна подруга и предлагает работу гувернанткой в один богатый дом. Я снова помолилась и сходила туда. Прихожу, знакомлюсь с родителями, то да се, говорим. А потом проснулась девочка, мы с ней познакомились и она – представляешь – сразу в меня влюбилась, даже отпускать не хотела. Вот так все и решилось. Они меня взяли. Сразу аванс дали, чтобы я приделалась поприличней. Так что гуляем!

Андрей смотрел на соседку и думал, как же это так получается просто? Даже сразу и не верится. Попросила – и вот на тебе! И вспомнил он слова старца: «Господь Своих людей всегда блюдет». Значит, Света своей простотой и чистыми помыслами достучалась... страшно подумать, до Кого. Но ведь получила же... Вот так живет рядом человек, а ты видишь в нем только взбалмошную бабенку, а она, оказывается, у Господа своя. Без всяких там премудростей и высоких слов.

Света взглянула на притихшего Андрея и спросила:

– Я что-нибудь сделала не так? Нет, я не забыла – ты не думай, что я такая неблагодарная, – зашла, зашла я в храм-то. И свечку поставила самую красивую и на коленках у иконки поплакала, и благодарственный молебен Заступнице моей заказала.

– Молодец, ты Светка, сама не знаешь, какая ты молодец! – негромко сказал он.

– Правда! А я уж испугалась, что ругать меня будешь за что-нибудь?

– Да за что же? И разве ругал я тебя когда?

– Нет, конечно, но мало ли? Я тебя почему-то боюсь больше, чем своего хулигана-мужа. Как посмотришь иногда... будто в самую душу.

– Обещаю: отныне глаз от пола не подниму.

– Да, ладно тебе, не слушай ты меня, глупую. Давай отметим это дело. Мне так радостно, а больше никак тебя отблагодарить не могу.

– Да ты и так уж и отблагодарила, и порадовала...

Ближе к церкви

Часто загудел телефон. Андрей поднял трубку и услышал голос из далекого города:

– Я очень благодарен тебе.

– За что?

– Ты мне как-то посоветовал держаться поближе к церкви. Я так и сделал. Обошел несколько храмов и нашел братство. Меня там хорошо приняли и предложили работу. Сейчас пишу иконы, стал зарабатывать деньги. Вышел на очень серьезный уровень. Первые две иконы продал каждую за две тысячи долларов. Так что очень серьезный уровень. Сейчас хочу выставиться на ярмарке.

– На службы ходишь?

– Конечно... Правда, не каждый месяц удается.

– Месяц?... Исповедовался?

– Конечно. Меня с собой батюшка в свою деревню возил. Там настоящие старoverы, такие исконные, корневые!

– А как все проходило?

– Так, как и надо бы везде. В каждом храме. Все по-простому, без этой золотой мишуры и бижутерии. Зашли мы в храм с батюшкой и с дьяконом, я в алтаре зажег семисвечник. Ну, что – говорю на исповеди – грешен во всех смертных грехах, все мои... Положил он на меня эту ленту с крестами, перекрестил, что-то пошептал. Все, говорит, безгрешен, аки ангел. И мне так хорошо стало! Батюшки запели молитвы, а я стал перед иконостасом. Так светло, легко! Представляешь! Смотрю на икону Спаса и вижу, как он отделяется от иконы и ко мне, грешному, спускается... И слышу внутренний голос: «Вот ты ко мне и пришел. Ты мой избранник, я тебя люблю и теперь я поведу тебя в царство небесное!» Так что вот удостоился видения от самого...

– ...беса!

– Типун тебе на язык. Что ты такое говоришь?

– А ты что, не замечаешь последовательности? Пришел в храм деньги зарабатывать, продал иконы бандитам за бешеные деньги, выигранные в казино; ходишь в церковь, как в театр, – за наслаждением; дальше – исповедь у каких-то раскольников на скорую руку; вот уж и наслаждение получил; а тут и сам податель ядовитой сладости авансы тебе раздает.

– Ну, конечно, ты же у нас самый умный! Только ты один все знаешь.

– И еще подумай вот о чем: святые!.. Десятилетиями в подвигах поста, бессонных ночах, покаянных молитвах... Пропливая горячие слезы за свои грехи... Ежесекундно в строжайшем соблюдении себя от самых ничтожных прилогов греха... Под покровом постоянного послушания... Под ежедневным наблюдением духовника... В постоянном чтении Святого Писания... Достигают высочайших высот духовного совершенства в смирении... Но далеко не все удостоиваются видений небесных сил. А тут пришел любитель денег и удовольствий, пару телодвижений сделал – и вот ему за его заслуги, заметьте: ни много ни мало, а Сам Господь является... Ты сам понимаешь, что говоришь и творишь-то?

– Нет, мне это нравится! Ходит парень в столичные церкви, облепленные золотом; на эти спектакли, где роль Христа исполняет толстый поп, увешанный золотыми крестами с бриллиантами; бьет поклоны на каждое «Господи, помилуй!», читает книжечки и всех учит жить. У тебя там крылышки еще не прорезались? А, херувимчик?

– Хожу я в храм Божий молиться о спасении душ: своей и моих ближних. В Церковь, основанную Самим Иисусом Христом. Каждый день моя душа горит в адском пламени моих грехов. Я – «свинья, в калу лежащая»!.. И единственная моя надежда – на милость Господа, потому что я сам ничего хорошего из себя не представляю. Все мои достоинства – от Бога, а

мое личное – это бесконечные грехи и... простите, выделения... И если я тебе когда-нибудь скажу, что Православная Церковь мне не мать, то Бог мне не отец, и потому гнать меня нужно подальше от святых церковных стен... Или тащить к любому батюшке – отчитывать меня от одержимости бесовской и прелести сатанинской.

– Слушай, почему, когда я тебе звоню поделиться, ты меня каждый раз ругаешь?

– Давай вспомним, чем ты делился. Сначала своим увлечением медитацией. Тогда для тебя все равно было: что молитва Богу – что медитация сатане. Потом ты меня убеждал, что на свете нет ни добра, ни зла, а есть некая энергия наподобие электрической.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.